

Поскольку съемки "127 часов" отнимали у Лукаса всё время, он пока отложил продление контракта с ABC. Он приветствовал звонки агентов IA и даже надеялся встретиться с некоторыми, но планирование на следующие несколько дней оказалось непростым.

Загадочное упоминание Лукасом другого проекта привело агентов в замешательство. Подозревая потенциального конкурента, они выбрали стратегическую отсрочку, надеясь привлечь внимание Лукаса, когда у него будут развязаны руки.

Тем временем съемочная площадка "127 часов" гудела от предвкушения приближающейся финальной сцены

.

Одна сцена выделялась на фоне остальных - сцена, в которой Лукас, его тело - живое свидетельство испытаний Арона, борется с душой, раздираемой между отчаянной надеждой и сокрушительным отчаянием.

Каждый кадр пронизан неприкрытыми эмоциями, от неприкрытого изнеможения, написанного на его лице, до безмолвного крика, запечатленного в его глазах, отражаемого безжалостным потом, стекающим по его иссохшей коже.

Но даже в этой безлюдной бездне проблеск неповиновения отказывался гаснуть.

Мысль о его семье, об их лицах, похожих на далекий мираж, мерцающий в неумолимой жаре, служила ему спасательным кругом, привязывала его к миру, в который он стремился вернуться. И даже луч солнечного света, который осмелился проникнуть сквозь зияющую пасть каньона, рисуя дразнящие тени на скале, нашептывал надежду перед лицом отчаяния.

Арон вытянул ногу, ища неуловимый солнечный луч, который просачивался в зияющую пасть каньона. На благословенный миг это тепло коснулось его изголодавшейся по солнцу кожи, мимолетный отголосок нормальности в этой душной могиле. Но отсрочка была жестокой, заставив его еще острее осознать свое заточение. Камень, холодный и неподатливый, стиснул его правую руку, безмолвный мучитель.

И тут его охватило новое ощущение, от которого по позвоночнику пробежала дрожь. В его предплечье под тяжестью валуна кость с болезненным хрустом ударилась о другую.

Надежда, долгое время тлевший уголек, разгорелся в жгучее пламя. Его рука, несколько дней находившаяся в ловушке, могла стать ключом к его собственному спасению.

Объектив запечатлел Лукаса, его лицо, искаженное жестокой симфонией боли. Затем произошло едва заметное изменение. Понимание, мрачное и леденящее, прогнало неприкрытое страдание.

Страх?

Нет. Пять дней в этой лишенной солнца яме притупили его остроту. Вместо этого в его ввалившихся глазах мелькнула извращенная радость. Камера уловила едва заметную перемену – усталая осанка выпрямилась, проблеск решимости боролся с истощением. В этой бездне отчаяния Арон обрел не просто смирение, но и болезненную надежду. В мучительном переломе своей кости он увидел не поражение, а гротескный ключ, искривленный и жуткий, который мог просто отпереть тюрьму, державшую его в плену.

Спасение. Жуткое слово для обозначения отчаянного поступка. Сломанная кость в предплечье, ужасная симфония хрустящих хрящей, только подогрели решимость Арона. С каждым резким движением надежда обвивалась в его душе, как колючая лоза.

Его усталое лицо, запечатленное днями тяжелых испытаний, расплылось в ледяной, но ликующей улыбке. - Да! - прохрипел он, звук был скорее первобытным, чем человеческим. Дешевый многофункциональный инструмент, его единственный спаситель в этой изголодавшейся по солнцу тюрьме, казался почти утешительным в его мозолистой хватке.

Сломанная кость, ужасный подарок, означал, что клинок не встретит сопротивления. Со стальным блеском в глазах Арон прижал зазубренное лезвие к своей плоти - первый акт ужасающего, но освобождающего танца.

Его хватка усилилась, костяшки пальцев побелели от решимости, когда он прижал зазубренное лезвие к собственной коже, первая дрожь боли была болезненным обещанием свободы.

Тишина кричала громче любой раны. Кровь, ожидаемо горячая и настойчивая, струилась, как ледяная вода, по онемевшей чужеродной конечности. Лицо Арона, дорожная карта выжженного солнцем изнеможения, исказилось в гротескной пародии на облегчение, но тут же треснуло от жгучего укуса вернувшейся боли. Камера, подглядывающая за этим погружением в плоть и кости, задержалась на протезе руки, пугающе совершенном отголоске руки Лукаса. Вены, похожие на жуткие виноградные лозы, извивались под кожей, отражая его собственную болезненную бледность.

Каждая пора, каждое несовершенство переданы с тревожащим гиперреализмом. Съёмочная группа, глаза которой за годы работы на съёмочной площадке посуровели, отпрянула. Но Лукас, не отводя взгляда, наблюдал за происходящим.

Стоны, грубые и первобытные, вырывались сквозь его стиснутые зубы, контрапунктом ритмичному вращению лезвия. В его глазах буря страданий и стальная решимость боролись за господство – ужасающая цена свободы, запечатленная в крови и костях.

"Хнгх!"

Всхлип, задушенный на середине крика, замер на пересохших губах Лукаса. Его глаза, похожие на тлеющие угли в выжженном солнцем пейзаже, отказывались отрываться от отрубленной руки.

Каждый хриплый стон, каждое содрогание от лезвия были боевым кличем против его собственной плоти.

Режиссер Дэнни, опытный в кинематографической жестокости, почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Протезы, шокирующие своей реалистичностью, брызгали и сочились кровью, окрашивая лицо Лукаса, его одежду и сами камни под ним в багровый цвет ужаса.

Это было почти чересчур, но он не мог отвести взгляд. Лукас, его взгляд не дрогнул, его тело превратилось в полотно агонии, впитывавшее каждую дрожь, каждую тошнотворную деталь. Скрежет лезвия, шипение фальшивой крови, симфония боли – он впитал это, извращенное таинство во имя выживания.

У съемочной группы вырвался общий вздох, когда Лукас с маской стальной решимости на лице перерезал последнее сухожилие протеза руки.

Его преданность сцене, рожденная в результате бесчисленных бесед с самим Дэнни и Ароном Ралстоном, была ощутимой.

Каждый мучительный скрежет лезвия, каждое движение его туловища с жестокой достоверностью повторяли испытания, выпавшие на долю Ралстона. Лукас провел изнурительные 42 минуты в этой неприкрытой уязвимости, каждая его дрожь была запечатлена неумолимой камерой.

Даже с неизбежными сокращениями на 42 минуты, усталость, написанная на лице Лукаса, дрожь в руках шептали правду, которую не мог стереть ни один монтаж.

Металлический привкус фальшивой крови заполнил ноздри Лукаса, жуткий аромат его триумфа. Со стоном, который отражал стон самого каньона, он откинулся на холодный камень, потрясение от свободы боролось с затяжным огнем боли.

Впереди отрубленная конечность, пугающе реальная в своей выдуманной крови, лежала заложницей камня, мрачное свидетельство испытания, через которое он прошел. Его взгляд, преследуемый отголосками агонии, скользнул по пустому рукаву, призрачной конечности, все еще покалывающей призрачными нервами.

Камера щелкнула, но тишина затянулась, тяжелый плащ накрыл каньон. Съемочная группа с бледными лицами и широко раскрытыми глазами обменялась безмолвными взглядами. Лукас, побледнев, уставился на пустой рукав на том месте, где раньше была его рука, фантомную конечность, все еще покалывающую от фантомной боли. Сцена была закончена, но отголоски его агонии будут звучать еще долго после финального монтажа. Достойно ли это было Оскара?

Покажет только время.

Дэнни, вечный стратег, склонился над измученным Лукасом. "Снято", - крикнул он, на его лице отразилось беспокойство.

"Мы можем заняться этим завтра. Вам нужно отдохнуть". Лукас, лицо которого превратилось в маску из пота и песка, покачал головой. "Нет, директор", - прохрипел он хриплым голосом. "Один дубль. Изнеможение, оно должно быть настоящим". Волна беспокойства захлестнула съемочную группу. Не слишком ли далеко заходит Лукас? Они видели и раньше как актёры погружаются в роль, но это был совершенно другой уровень.

Режиссер Дэнни и съемочная группа стояли ошеломленные. Преданность Лукаса прокатилась подобно ударной волне, лишив их дара речи. Его финальное выступление, пропитанное изнеможением и безудержным триумфом, пронзило их сердца. Согласно предложению Лукаса, они возобновили съемки.

Камера показала Лукаса в роли Арона, возрожденного из тюрьмы каньона, купающегося в объятиях солнца. Он наслаждался ветром пустыни, глотал драгоценную паводковую воду, и его смех разносился по просторам.

Солнечный свет, забытая роскошь, озарил лицо Арона, когда он выбрался из узкого каньона, своей тюрьмы на несколько дней. Он спотыкался, слабый, но свободный, его глаза расширились от радости, граничащей с безумием.

Воздух пустыни, резкий, но освобождающий, наполнил его легкие. Он опустился на колени, опустив руки в мелкую воду, образовавшуюся на песке, ощущая вкус жизни на пересохших губах.

Лукас, когда Арон дрожащей рукой махнул в сторону далеких фигур, их крики были заглушены звоном в ушах. Он сделал это. Он был свободен. Режиссер и съемочная группа, поначалу обеспокоенные подлинностью его игры, когда он пошатнулся, бросились вперед, но было слишком поздно. Лукас, обессиленный испытанием, рухнул на песок.

Но даже в обмороке на его губах мелькнула улыбка. Он столкнулся с бездной и выбрался, навсегда изменившийся, навсегда свободный.

"Бутылку воды, черт возьми!" - Прогремел Дэнни, его голос дрожал от смеси паники и облегчения. Его взгляд метался между Лукасом, упавшим в обморок на обожженный солнцем песок, и командой, спешащей за припасами. Двое медиков с мрачными лицами бросились вперед, их движения отражали настойчивость режиссера.